



Личность императора Никифора Фоки и его связь с преподобным Афанасием Афонским

А. Б. ВАНЬКОВА

Аннотация: В статье рассматриваются взаимоотношения, которые связывали преподобного Афанасия Афонского (между 925 и 930 гг. – † конец X – начало XI в.) с императором Никифором Фокой (ок. 912 – † 11.12.969 г., император с 963 г.), анализируются данные источников, связанных с именем основателя Великой Лавры, где есть характеристики императора. Проводится сравнение этих сведений с данными Льва Диакона и Иоанна Скилицы. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Образ, который рисуют Иоанн Скилица и Лев Диакон, – образ воина и государственного мужа, – был дополнен сведениями агиографии, а именно Житий Афанасия Афонского и его Типикона. В результате получилось объемное полихромное изображение. Молчание Льва Диакона и Иоанна Скилицы об отношениях, связывавших монаха и воина, может быть объяснено тем, что в их сочинениях акцент делался на военной и политической истории. Можно доверять Типикону преподобного Афанасия Афонского, который донес нам мнение одного из двух участников это духовного союза, а также сведениям его Житий, что позволяет сделать вывод о тесном, хотя и относительно недолгом общении этих двух незаурядных личностей, результатом чего стало создание Великой Лавры, самого древнего из ныне существующих монастырей Афона.

Ключевые слова: Афанасий Афонский, Никифор Фока, Иоанн Скилица, Лев Диакон, Великая Лавра на Афоне

Anna B. Vankova

The Personality of Emperor Nikephoros Phocas and His Connections with Athanasius the Athonite

Abstract: The paper deals with the relations that connected the Monk Athanasius of Athos (between 925 and 930 – the end of the 10th – † beginning of the 11th century) with the Emperor Nikephoros Phokas (c. 912 – † 11.12.969, emperor since 963), analyses the passages of the sources connected with the name of the founder of the Great Lavra, which contain any characteristics of the emperor. The comparison of these data with the data of Leo the Deacon and John Skylitzes is carried out. As a result of the conducted research the following conclusions are made. The emperor's image that John Skylitzes and Leo the Deacon draw – the image of a warrior and a statesman – was supplemented with the information of hagiography, namely the Lives of Athanasius of Athos and his Typikon. The result was a three-dimensional polychrome image. The silence of Leo the Deacon and John of Scylitzes about the relationship between the monk and the warrior can be explained by the fact that their writings emphasized military and political history. We can trust the Typikon of the Monk Athanasius of Athos, which gives us the opinion of one of the two participants in this spiritual union, as well as the information from his Lives, which allows us to conclude that these two outstanding personalities had a close, albeit relatively short-lived, relationship that resulted in the creation of the Great Lavra, the oldest monastery on Athos today.

Key words: Athanasius the Athonite, Nikephoros Phokas, John Skylitzes, Leo the Deacon, The Monastery of Great Lavra on Mount Athos

For citation: *Ванькова А. Б. Личность императора Никифора Фоки и его связь с преподобным Афанасием Афонским // Graphosphaera. 2023. Т. 3. № 2. С. 134–152. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2023-3-2-134-152>*

DOI: 10.32608/2782-5272-2023-3-2-134-152

© А. Б. Ванькова, 2023.

В нашей статье мы рассмотрим взаимоотношения, которые связывали преподобного Афанасия Афонского (между 925 и 930 гг. – † конец X – начало XI в.) с императором Никифором Фокой (ок. 912 – † 11.12.969 г., император с 963 г.), проанализируем данные из источников, связанных с именем основателя Великой Лавры, дающие характеристику императору, отметим основные моменты, на которые делают упор авторы Житий А и В и сам Афанасий Афонский в своем Типиконе. Мы сравним эти сведения с данными Льва Диякона и Иоанна Скилицы. Тем самым мы получим полихромную картину, однако основной акцент мы будем делать именно на данных из Житий Афанасия Афонского и из его Типикона.

Мы не первый раз обращаемся к корпусу сочинений преподобного основателя старейшего общежительного монастыря на Афонском

полуострове. Особенно подробно мы рассматривали биографию игумена и источниковедческие проблемы, связанные с его Житиями, в своей статье «Жития и фиксация традиции: случай Афанасия Афонского и созданной им Великой Лавры» (Ванькова 2016). Краткую биографию святого Афанасия, как она содержится в Житиях А и В и в других источниках, мы даем по изложению Дж. Томаса (BMFD 2000. Vol. 1. Ch. 2. P. 205–210; см. также: Дионисий (Шленов) 2009. С. 380–404). Афанасий, в крещении названный Авраамием, был родом из Трапезунда. Он получил образование в правление императора Романа I Лакапина (920–944 гг.) в Константинополе, где впоследствии преподавал. Преподобный избрал монашескую стезю благодаря Михаилу Малейну, у которого получил иноческое имя Афанасий. Произошло это около 952 г., а всего Афанасий провел на Киминской горе пять лет. С племянником Михаила, будущим императором Никифором II Фокой, он познакомился еще в Константинополе, куда Михаил Малейн приезжал по делам (Vitae duae 1982. Vita A. 22. P. 12; Vita B. 8. P. 133–135). На горе Кимин их знакомство продолжилось, и Никифор стал духовным сыном Афанасия. Афанасий покинул Кимин и прибыл на Афон в конце 957 г. или в начале 958 г. Здесь он поначалу жил под вымышленным именем. В 960 г. он отправился в место, называемое Мелана, где провел год в уединении. Там он основал свой монастырь, впоследствии названный Великой Лаврой, значительную сумму денег на устройство которого предоставил Афанасию император Никифор II Фока. Датировка этого события в Житии А и Типиконе (о нем см. ниже) различна. Житие А дает 961 г., тогда как Типикон – 962–963 гг. (ср.: Дионисий (Шленов) 2009. С. 380–381). Под управлением Афанасия Афонского и покровительством Никифора II Лавра процветала. Не остановили роста владений Лавры и числа монахов даже убийство императора Никифора II Фоки и восшествие на престол Иоанна Цимисхия, который не только подтвердил хрисовулы Никифора, но и увеличил денежные выплаты монастырю. Афанасий погиб, inspecting строительство монастырского храма. По мнению Ж. Норэ, это произошло в период между 997 г. и 1000 г., однако скорее следует отнести это событие к 1006 г. (Vitae duae 1982. P. CX, p. 25). Дж. Томас пишет, что кончина Афанасия последовала 5 июля, но неизвестно какого года. Он был еще жив в 996 г., но в 1012 г. о нем уже упоминают как об умершем; кроме того, известно, что он скончался раньше Иоанна Ивира, год смерти которого – 1008 г. П. Лемерль предполагал, что он отошел к Богу в первые годы XI в., возможно в 1001 г. (BMFD 2000. P. 210; Дионисий (Шленов) 2009. С. 381).

Следует сказать несколько слов о том, когда, кем и где были написаны рассматриваемые в настоящей статье памятники (без чего

невозможно понять ход дальнейшего изложения). Начнем с Житий, как это принято у автора предисловия к переводу сочинений Афанасия Афонского Дж. Томаса (BMFD 2000. P. 205 и P. 217, n. 4). Авторство, место написания, датировка и соотношения — а именно, какое из Житий считать «первичным» — всё это долгое время являлось предметом дискуссий. Л. Пети первым в своем небольшом введении к публикации Жития В заявил, что автором Жития А был монах Великой Лавры по имени Афанасий, духовное чадо Антония, преемника Афанасия во главе общины. По предположению Л. Пети, это тот самый монах, который указан в Диатипосисе (*Vie de St. Athanase* 1906. P. 7). Л. Пети полагал, что Житие А, изданное И. Помяловским (Житие преподобного Афанасия Афонского 1895), может пользоваться полным доверием и составляет, вместе с документами, вышедшими из-под пера самого святого, материалы первостепенного значения для истории основания Лавры и личности ее основателя (*Vie de St. Athanase* 1906. P. 7). Л. Пети также указал, что, по его мнению, зависимость Жития В от Жития А становится очевидной после их прочтения, что, впрочем, не умаляет ценности этой версии для историка, поскольку она вносит дополнительный вклад в нашу копилку сведений об Афанасии Афонском (*Vie de St. Athanase* 1906. P. 8).

Краткое изложение хода дальнейшей дискуссии мы приведем, основываясь на Введении к критическому изданию Ж. Норэ. Несмотря на выводы Л. Пети, ситуация с анализом двух Житий оставалась малоудовлетворительной, пока П. Лемерль не опубликовал статью, в которой подчеркивал крайнюю важность Жития А для реконструкции биографии Афанасия Афонского. Автором Жития он также считал лаврского монаха. Его выводы оспорил Ю. Леруа, считавший, что Житие было написано в Константинополе (в отличие от Жития В, составленного в Лавре), в частности, он решился оспорить значимость Жития А как исторического источника (*Vitae duae* 1982. P. XVI). Дискуссия протекала в условиях отсутствия критического издания. Ж. Норэ, подготовивший таковое, подытожил ее во Введении к изданию, предложив свою точку зрения по некоторым вопросам (*Vitae duae* 1982. P. XVI–XVII). При этом он признает и за П. Лемерлем и Ю. Леруа, а также другими учеными, исследовавшими проблему, неоспоримую правоту по некоторым положениям. Ж. Норэ признал, что два Жития не только отражают общую традицию, но и одно заимствует из другого целые выражения и фразы. В своем примечании к этому тезису Ж. Норэ пишет, что «теоретически можно было бы считать, что Житие В и Житие А оба заимствуют из третьего, исчезнувшего источника. Но никакой признак ни во внешней критике, ни во внутренней, — не обязывает нас или даже не заставляет предположить существование потерянного Жития» (*Vi-*

tae duae 1982. P. СІХ. Annot. 15). Именно составитель Жития В использовал Житие А, которое написано до 1025 г., т. е. до смерти императора Василия II Болгаробойцы, в отличие от Жития В, написанного после 1028 г. (Ibid. P. CVIII–СІХ, СХІІІ). Заметим тут, что П. Лемерль предполагал еще более раннюю датировку Жития А – до 1016–1018 гг. (Ibid. P. СХ). Ж. Норэ специально отмечает, что, по его мнению, автор Жития В ни разу не сослался на то, что он видел своими глазами: он не знал лично Афанасия Афонского, и даже более того, он говорит в прошедшем времени об учениках святого (Ibid. P. СХІІ). Сам автор Жития В пишет о своих источниках следующее: «я излагаю житие трижды блаженного Афанасия... и к предшествовавшим сочинениям приложу свой рассказ, восприняв не только со слуха, но прочитав и многие писания о нем, а именно те, которые ученики его оставили тем, кто придет после них...» (Ibid. Vita В. 1. P. 127). Ж. Норэ отмечает, что его источником было преимущественно Житие А (Ibid. P. СХІІІ). Следовательно, Житие В должно сильно отстоять по времени от даты смерти преподобного.

В отличие от автора Жития В, главным источником информации (Ibid. P. СХІІ) для автора Жития А был его духовный отец, преемник Афанасия Великого Антоний: «...его великий Афанасий назначил своим преемником, но из-за обстоятельств, о которых нам ничего не известно, он покинул Афон и отправился в Константинополь» (Noret 1982. P. 545). О преемнике Афанасия сообщается всегда как о здравствующем «еще и ныне» (Vitae duae 1982. P. СХІІ). Однако оба они, и Антоний, и Афанасий (автор Жития А), были к моменту написания не в Лавре, а в Константинопольском монастыре τῶν Παναγίου (о месте написания Жития А см.: Ibid. P. СХVІ–СХХVІІ; о монастыре см.: Janin 1969. P. 385–386).

Ж. Норэ подчеркивает, что уровень нашей осведомленности об обстоятельствах создания текста не позволяет точно датировать Житие В. Он предлагает следующий разброс дат: между 1050 и 1150 гг. (Vitae duae 1982. P. СХХVІІІ). Нам же представляется, что не надо относить датировку Жития В далее середины XI в. Тот аргумент, который приводит Ж. Норэ – упоминание о непосредственных учениках святого как об уже ушедших, – вполне позволяет ограничиться серединой столетия. Однако с достаточной долей уверенностью можно вслед за Леруа утверждать, что автор Жития В – монах Великой Лавры (Ibid. P. СХХVІІ–СХХІХ).

Важно подчеркнуть, что Норэ не посвятил анализу источников обоих Житий отдельного параграфа, но лишь разрозненные замечания. Например, он отмечает, что составитель Жития А даже называет своих информантов по различным эпизодам жизни Афанасия: это Иоанн Гексаптериг, «через посредничество его преемников», игумен Ксенофона и

т. п. Автор Жития В также упоминает те же события из жизни святого, но без указания информаторов (Ibid. P. CXII).

Наша точка зрения отличается от воззрений Ж. Норэ. Очевидно, что Ж. Норэ считает Житие В ненадежным источником. Все сравнения Жития В Ж. Норэ с Житием А даются не в пользу первого, всячески подчеркивая его вторичность. Действительно, в ходе сокращения и заимствования целый ряд пассажей Жития А оказался искажен. Так, например, Ж. Норэ отмечает, что в Житии А отразились ступени карьеры брата императора Никифора Льва Фоки. Сначала он назван магистром, затем он стал куропалатом, а затем получил командование над всеми силами Запада (commandement de tout l'Occident); все это соответствует истине, как отмечает исследователь. В Житии В автор упрощает изложение и называет его просто патрикием и домашником схол запада (δωμέστικός τῶν σχολῶν τῆς Δύσεως). Ж. Норэ приводит еще один пример искажения: в Житии А Афанасий прибывает на Афон и находит монаха πρὸς τῷ Ζυγῶ οὕτω καλουμένῳ. В Житии В сказано ἐν τῇ τοῦ Ζυγοῦ μονῇ. В данном случае Ж. Норэ ссылается на мнение П. Лемерля, который считает, что здесь мы имеем дело с анахронизмом, т. к. обитель с таким именем засвидетельствована не ранее 996 г., а само событие относится к 960 г. (Ibid. P. CXV–CXVI). Помимо этого, Ж. Норэ посвятил три статьи сопоставлению Жития А с различными памятниками (Noret 1982; 1983; 1985), но ни разу не провел такого сопоставления для Жития В. Признавая значимость выводов Ж. Норэ, мы, тем не менее, стремились в ходе анализа выбранных отрывков Жития А и Жития В показать, что Житие В также в некоторых случаях заслуживает внимания и является ценным источником, иногда более подробным и имеющим больше соответствий в писаниях самого Афанасия Афонского, чем Житие А.

Оба Жития, на наш взгляд, обладают определенными достоинствами. Житие А написано монахом, стоявшим ближе к истокам традиции, но жившим при этом не в Лавре, хотя и в монастыре, связанном с ним неразрывными узами. Сравнив писания Афанасия Афонского и Житие А, Ж. Норэ делает вывод, что «доверие, которое историки обычно питают к первой биографии основателя Лавры полностью (largement) подтверждено» (Noret 1982. P. 566).

Житие В написано позже, но помимо устной традиции в нем использованы также письменные источники (еще раз обратим внимание на множественное число, т. е. в числе источников, вполне вероятно, были и другие, кроме Жития А, сочинения, посвященные основоположнику киновиальной жизни на Афоне).

Оба автора знали об уставных трудах Афанасия Афонского (*Vitae duae* 1982. Vita A. 84. P. 39; Vita B. 26. P. 153), среди которых нас будет интересовать только Типикон. Его критического издание, насколько нам известно, до сих пор не существует. Издание, которым мы пользовались, — это классический труд Ф. Мейера (Meuser 1894. P. 102–122). Ж. Норэ так охарактеризовал издание Ф. Мейера применительно к Типикону: «Лучшее издание Типикона св. Афанасия все еще принадлежит Мейеру, и это несмотря на его очевидные погрешности» (Noret 1982. P. 551). Подробный комментарий к корпусу этих документов и анализ заимствований Афанасием Афонским из уставных документов студийской традиции провел Дж. Томас (BMFD. Ch. 2).

Типикон Афанасия Афонского имеет проблемы с датировкой — BMFD дает 973–975 г., однако П. Лемерль допускает, что он был написан в правление императора Иоанна Цимисхия (декабрь 969 – январь 976 г.) и после составления «Трагоса», общепринятая дата которого 971–972 гг. (BMFD. P. 249). Дж. Томас также делает предположение, что неоднократное обращение к одним и тем же сюжетам в Типиконе может отражать различные стадии составления документа (BMFD. P. 245).

В недавней работе Л. д'Айала Вальва в своем введении к комментированному переводу Жития А выделил специальный параграф, озаглавленный «Неизвестное жизнеописание: Житие С» (*La Vita di Atanasio* 2017. P. 36–42). Приведем основные пункты его исследования. Недавно во вновь открытой профессором Афинского университета К. Манафисом рукописи из Синайского монастыря (New Finds M 63), датированной по данным палеографии XII в., были обнаружены отрывки из неизвестного Жития Афанасия Афонского, которое Л. д'Айала Вальва предлагает назвать Житием С. К. Манафис определил, что это Житие Афанасия, но еще его не издал, хотя и сделал несколько докладов на эту тему. К. Манафис считает, что это независимое по отношению к двум другим Житием, написанное вскоре после смерти святого монахом Великой Лавры, который жил в ней и во время игуменства Афанасия. Изучив рукопись, Л. д'Айала Вальва согласился с выводами К. Манафиса. Итальянский ученый также приходит к выводу, что автор Жития знал лично своего героя. Житие написано по настоянию игумена и братии обители. «Это новое открытие показывает нам, в итоге, то, что было абсолютно вероятно всегда предполагать, даже без прямого письменного свидетельства. На самом деле было бы неправдоподобно, чтобы монастырь и община значения и величины Лавры, не думали составить свое собственное жизнеописание святого и ждали, чтобы получить его “извне”, а затем просто переписали его, много времени спустя, с добавлением нескольких рассказов и местных преданий (такова

упрощенная точка зрения относительно происхождения Жития В, которая до сих пор распространена среди ученых» (La Vita di Atanasio 2017. P. 39–40). Житие С – самое раннее жизнеописание святого, и, по мнению автора введения, гипотеза об изначальном Житии находит свое наиболее логичное и правдоподобное воплощение. От Жития С зависит автор Жития А, хотя и часто предпочитает ему сведения, сообщаемые ему его духовным отцом и игуменом Лавры Антонием. Автор Жития В более консервативен, он признает авторитет обоих Житий, но как монах Великой Лавры старается по максимуму использовать предания своей обители, дошедшие в Житии С, часто воспроизводя дословно текст, но объединяет его также со сведениями из Жития А.

Кроме того, Л. д'Айала Вальва выдвигает гипотезу о том, что Житие В составлено именно с целью согласования в одном тексте двух различных биографических традиций, считающихся одинаково достойными веры, поскольку обе восходят к двум непосредственным ученикам святого. С этого момента синтез, сделанный в Житии В, стал официальной биографией святого, и, также благодаря более ясному и простому стилю и меньшему размеру, ему удалось вскоре вытеснить все остальные Жития в рукописной традиции (Ibid. P. 42).

Еще до выхода комментированного перевода Жития А, выполненного Л. д'Айала Вальвой, нам представлялось несомненным, что существовало более раннее Житие, послужившее источником для Житий А и В, поэтому мы принимаем концепцию итальянского ученого.

Теперь нам надо сказать несколько слов о двух других сочинениях – а именно об «Истории» Льва Диакона (ок. 950, Калоя – 90-е гг. X в.) и об «Обзрении историй» Иоанна Скилицы (между 1040 и 1050 – начало XII в.).

Лев Диакон происходил состоятельной семьи, родом из городка, соседнего с Эфесом. Получил образование в Константинополе во второй половине 60-х гг. X в. После 970 г. был рукоположен в диаконы. В 976 г. вошел в число придворных клириков императора Василия II Болгаробойцы. Его «История» в десяти книгах охватывает события с 959 по 976 гг. Основное содержание сочинения составляет прежде всего военная история в период правления Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия (969–976 гг.). К событиям, происходившим в царствование Василия II Болгаробойцы, историк обращался только в малочисленных экскурсах в десятой книге (Луховицкий 2020. С. 307–309). Прославление побед императоров Никифора II и Иоанна I шло вразрез с господствовавшей при Василии II политической линией, направленной на их очернение, таким образом, труд имел «откровенно антиправительственный характер» (Иванов 1982. С. 79). Лев Диакон преимущественно

интересовался военной историей, но в некоторых случаях обращался и к церковной истории, например, писал о каноничности брака Никифора Фоки с Феофано (Leo Diaconus. Historia. III 8). В то же время он не упомянул об основании Великой Лавры на Афоне, о духовной связи Никифора Фоки с прп. Афанасием Афонским (Луховицкий 2020. С. 307–309). Хотя, казалось бы, это добавило бы к образу, рисуемому историком, дополнительных положительных качеств.

Иоанн Скилица сделал карьеру юриста, занимал высшие посты в этой области. «Обозрение историй» Иоанна Скилицы охватывает события византийской истории с 811 г. (кончина императора Никифора I) до 1057 г. (отречение императора Михаила VI Стратиотика). В центре внимания историка находятся в первую очередь события политической и военной истории, церковная история интересует его несколько меньше (Там же).

М. Я. Сюзюмов и А. П. Каждан пришли к выводу, что оба – и Лев Диакон, и Иоанн Скилица, описавшие одни и те же события независимо друг от друга, – использовали два общих источника (Сюзюмов 1916. С. 106–166; Каждан 1961. С. 106–128). Один из этих источников отражал благожелательное, а другой – враждебное отношение к Никифору Фоке и всему роду Фок. М. В. Грацианский считает, что у обоих авторов был один общий источник, в котором приводились две версии событий, благожелательная и враждебная, по отношению к роду Фок, но если Скилица приводил обе версии, то Лев Диакон опускал неблагоприятную (Грацианский 2013. С. 68–85).

Прежде чем перейти к анализу сведений источников, следует сказать несколько слов о биографии одного из двух героев нашей статьи – императоре Никифоре Фоке.

Родился он около 912 г. (Kazhdan 1991. P. 1478; Кузенков 2018. С. 642) и происходил из знатного рода Фок. Его дед, Никифор Фока Старший, занимал высшие посты в армии во время правления императоров Василия I Македонянина (867–886 гг.) и Льва VI Мудрого (886–912 гг.); его сыновья, в т. ч. отец Никифора Фоки – Варда Фока Старший, входили в число наиболее влиятельных византийских полководцев при Константине VII Багрянородном (913–959 гг.). В конце правления последнего, к 954 г. Никифор Фока, служивший до этого под началом своего отца, сменил его на посту доместика схол (главнокомандующего армией) и успешно защищал восточную границу империи от эмиров Алеппо и Мосула. После вступления на престол сына Константина VII Романа II (959–963 гг.) будущий император был удостоен высшего сана магистра и стал первым лицом в военной администрации империи, а его брат, Лев Фока, в 959 г. получил должность второго доместика схол; еще один

брат, Константин, занимал должность стратига приграничной фемы Селевкия. Братья Фоки активно действовали против арабов в Киликии, Сирии и Месопотамии. Несмотря на в целом отрицательную характеристику Никифора, Иоанн Скилица в нейтральном тоне повествует о его военных успехах до взятия Крита и о завоевании Крита (Ioannis Scylitzae 1973. P. 249). Самым крупным успехом Никифора Фоки стало освобождение в марте 961 г. острова Крит от арабских пиратов, владевших им более века (Кузенков 2018. С. 642). Лев Диакон так восхваляет будущего императора: «...василевс Роман назначил стратигом-автократором для ведения войны против Крита Никифора Фоку, достойнейшего из магистров, командовавшего тогда войсками Востока (ромей эту должность называют domestikom schol) как человека несокрушимой силы, предприимчивого, деятельного и опытного в военном деле» (Leonis Diaconi 1828. I. 3. P. 8; Лев Диакон 1988. С. 8). Р. Моррис пишет, что «хотя взгляды Льва Диакона и Иоанна Скилицы [на императора Никифору Фоку] различались, важно иметь в виду, что они оба в сущности предпринимали одну и ту же задачу. Они оба сосредотачивались на том, чтобы установить в какой мере Никифор соответствовал господствующему идеалу правителя. В конце концов, император был символом имперской власти и “живым воплощением вечной империи”. Характерные черты, которыми должен был обладать праведный (и тем самым истинный) император – благочестие, благотворительность, рассудительное суждение, которые вознаграждались Богом дарованием победы – долгое время были расхожей монетой императорского панегирика» (Morris 1988. P. 86).

Военные успехи принесли Никифору Фоке небывалую популярность, он отпраздновал два триумфа в Константинополе.

«Он был мужем изобретательным и предприимчивым, из всех известных нам людей наиболее способным задумывать и совершать полезные дела, благоразумным и несклонным к наслаждениям; сверх того, он отлично умел использовать время и обстоятельства, обладал непобедимой силой и крепостью тела: говорят, что однажды, когда на него напал один из храбрейших варваров, обычно начинавший бой, Никифор направил в его грудь копьё и нанес обеими руками удар такой силы, что оно прошло тело насквозь, пронзив переднюю и заднюю стенку панциря» (Leonis Diaconi 1828. I. 5. P. 10–11; Лев Диакон 1988. С. 10).

А. П. Каждан считал, что представленное «реноме» Никифора было «первой попыткой создать образ императора как благородного воина» его поклонниками (Morris 1988. P. 87, p. 14). Лев Диакон говорит

об этом в таких словах: «Несокрушимость этого мужа, непревзойденная в боях, непобедимая сила, благодаря которой он быстро, без всякого труда, как будто по Божьей воле, побеждал любого неприятеля, страшила и приводила в изумление все народы, и они стремились к тому, чтобы он был им не врагом, а другом и господином» (Leonis Diaconi 1828. V. 1. P. 76. Лев Диакон История. 1988. С. 43). Комментируя этот пассаж, М. Я. Сюзюмов и С. А. Иванов пишут: «Преклонение перед Никифором характерно и для многих других византийских авторов: блестящие победы императора как бы оправдывали все отрицательные стороны его правления. Восторженным поклонником Никифора был поэт Иоанн Геометр, посвятивший ему ряд стихотворений» (Лев Диакон 1988. С. 188).

После преждевременной смерти преемника Константина VII Багрянородного императора Романа II у него остались два малолетних сына – императоры Василий II и Константин VIII, опека над ними перешла к их матери – вдове Романа Феофано и патриарху Полиевкту. Однако могущественный глава правительства Иосиф Вринга опасался популярного военачальника. Он попытался натравить на него его двоюродного брата Иоанна Цимисхия, но тот, напротив, убедил Никифора заявить права на трон. Повествуя об этих событиях, Лев Диакон противоречит сам себе. Сначала он пишет, что Никифор не собирался поднимать мятеж и сразу в следующем параграфе сообщает: «Никифор хотел было тотчас же поднять мятеж, но у него не было наготове достаточного числа воинов – ведь войско по его же приказу разошлось по домам, – и он побоялся вступить немедленно в столь трудную борьбу. Поэтому он предпочел повременить с выступлением, решив войти в Византий, отпраздновать триумф и в том случае, если правители вверят ему войско ... вновь собрать воинов, взвесить все обстоятельства и уверенно вступить в борьбу за верховную власть» (Leonis Diaconi 1828. II. 11. P. 31–32; Лев Диакон 1988. С. 21).

Армия Никифора, военная аристократия, патриарх и жители Константинополя поддержали притязания Никифора. Он женился на Феофано. Лев Диакон сообщает, что Никифор хранил целомудрие и не ел мясо, и лишь под давлением монахов («он очень уважал монахов») вступил в брак с Феофано и стал есть мясо (Leonis Diaconi 1828. III. 9. P. 49–50; Лев Диакон 1988. С. 29–30). Иоанн Скилица, напротив, указывает другой мотив отказа Никифора от мяса: он перестал есть мясо после трагической смерти своего сына от первой жены (Ioannis Scylitzae 1973. P. 260).

В качестве императора Никифор совершил несколько успешных военных кампаний на Востоке – он захватил Кипр, Тарс, Мопсуестию, его полководец Михаил Вуртц взял Антиохию (правда, вопреки жела-

нию Никифора), при нем был взят Алеппо. Он предпринял попытку противопоставить болгарам, которым он отказался платить дань, киевского князя Святослава. Однако под конец своего правления он потерял популярность, о причинах чего мы поговорим при анализе сведений, приводимых Иоанном Скилицей. Никифор был убит в результате заговора, возглавляемого его родственником Иоанном Цимисхием, ставшего после убийства своего брата новым императором.

Лев Диакон оставил нам описание наружности императора Никифора Фоки:

«...Цвет лица более приближался к темному, чем к светлому; волосы густые и черные; глаза [также] черные, озабоченные размышлением, прятались под мохнатыми бровями; нос не тонкий и не толстый, слегка крючковатый; борода правильной формы, с редкой сединой по бокам. Стан у него был округлый и плотный, грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла. Разумом, целомудрием и способностью принимать безошибочные решения он превосходил всех людей, рожденных в его время» (Leonis Diaconi 1828. III. 8. P. 48; Лев Диакон 1988. С. 29).

Мы уже достаточно привели свидетельств из Льва Диакона о воинских талантах и его характере. Приведем последнюю цитату из этого автора, описывающего таланты Никифора как верховного правителя и благочестивого христианина:

«В делах гражданского управления он был милостив и великодушен, и никогда не было более справедливого судьи и непреклонного законодателя. Он был суров и неутомим в молитвах и всенощных бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и нисколько не подвержен тщеславию» (Leonis Diaconi 1828. V. 8. P. 89. Лев Диакон 1988. С. 49).

Обратимся теперь к «Обзору истории» Иоанна Скилицы и посмотрим, какие «отрицательные стороны его правления» тот выделял. Историк отмечает: «вот до какой степени он увеличил римские владения, ибо он захватил более ста городов и крепостей в Киликии, Сирии и Финикии на Ливане ... Тем не менее, он был ненавидим всеми людьми, и все жаждали увидеть его падение» (Ioannis Scylitzae 1973. P. 271). Первое, что он ставит в вину Никифору, это плохое поведение его солдат. «Даже в самом начале, когда многие были на его стороне, его солдаты производили тысячи конфискаций, и он ничего не делал, чтобы остановить их. “Неудивительно, что в таком большом скоплении

людей некоторые плохо себя ведут”, – заметил он» (Ioannis Scylitzae 1973. P. 273–274).

Перечислим еще несколько пунктов, которые Скилица ставил в вину Никифору. Когда он отправлялся в одну из своих многочисленных экспедиций, он жестоко обращался со своими подданными, не только вводя дополнительные налоги и реквизируя всевозможные припасы, но и невообразимо грабя. Вдобавок к сказанному, он также упразднил часть обычных привилегий Сената, якобы потому, что ему не хватало денег на войны. Он полностью отменил доходы, которые некоторые из богобоязненных императоров учредили в качестве пожертвований религиозным домам и церквям. Ни один епископ не должен был быть избираемым и посвящаемым без его дозволения. Когда епископ умирал, он отправлял императорского чиновника с приказом контролировать расходы епархии и конфисковать доход сверх расходов. Он сделал некоторые другие постановления, которые никоим образом не могли быть оправданы необходимостью. Император принуждал патриарха и епископов принять канон, что погибшим на войне солдатам должны воздаваться почести как мученикам. Ввел уменьшенную золотую монету (т. н. тетартер), приравненную по стоимости к стандартной номисме. Построил стены вокруг дворца из опасений за свою жизнь. На праздник Пасхи произошла стычка между моряками и некоторыми армянами, было много погибших, и среди них эпарх Сисиний. Прошел слух, что Никифор готовит ловушку горожанам, которых он считал виновными в этой стычке, в тот день, когда на ипподроме будут зрелища. И, действительно, когда на ипподроме были бега, Никифор приказал воинам разыграть сражение, чтобы показать горожанам, как выглядит настоящий бой. Горожане подумали, что это пришла расплата за мятеж, и в панике бросились с ипподрома, в давке многие погибли (Ioannis Scylitzae 1973. P. 262–265).

Итак, мы видим, что Иоанн Скилица и Лев Диакон, отдавая должное воинскому таланту Никифора Фоки, почти ничего не говорят о его духовных качествах и отношениях с Афоном в целом, и Афанасием Афонским, в частности. Теперь следует рассмотреть и этот аспект характера Никифора, о котором сведения нам сохранили Жития Афанасия Афонского и его Типикон.

Обратимся к сцене первой встречи будущего императора и будущего основателя великой Лавры, последний в то время еще не был монахом. Выше мы об этом лишь упомянули. Житие А так повествует об этом:

«В то время ... сообщили великому (т. е. Михаилу Малеину. – А. В.) о приходе стратига фемы Анатолики – это был славный во всех отношениях Никифор, впоследствии император, племянник Михаила Малеина – конечно не без [вмешательства] Бога это произошло... Авраамий ... как только у него появилась возможность, поспешил уйти, потому что, как бы он ни был наполнен светской мудростью, он не был горд душой, и, хотя он и не хотел, но великий удержал его ненадолго присесть с ними. После этого Афанасий, попросившись, уходит, а, когда он ушел, вышеозначенный стратиг, а был он в высшей степени искусным в определении характера [человека]... и всего его жизненного уклада, спросил великого, кто это был и откуда он пришел, и все то, что такой человек, как он, должен был спросить о таком [человеке]... Михаил не сделал цель Авраамия тайной Никифору (о том, что он хотел стать монахом. – А. В.). Стратег был доволен этим – он действительно радовался этим вещам больше, чем военным подвигам, и стало ясно, что он уже запечатлел в сердце образ Авраамия» (*Vitae duae* 1982. Vita A. 22. P. 12).

Житие В чуть-чуть по-другому описывает эту сцену: «Никифор, который обладал глубоким пониманием [натуры человека] ... понял, что Авраамий выдающийся человек, спросил дядю: “Кто этот человек? Откуда он и почему пришел сюда?” И когда он узнал все об Авраамии... он сохранил его образ в своих мыслях» (*Ibid.* Vita B. 8. P. 135).

В агиографии не редки случаи, когда монахи оказываются вхожи в высшее общество Константинополя и часто общаются с самим императором. Так, Афанасий благодаря браку дочери его приемных родителей попал в семью аристократа Зефинезера, который был связан родством с Фоками и Малеинами (Benoit-Meggenis 2017. P. 19–48). Никифор имел обыкновение посещать своего дядю Михаила Малеина перед уходом на войну и возвращаясь с театра военных действий, «чтобы иметь возможность наслаждаться его молитвами и разговором с ним». Но придя в очередной раз к Михаилу Малеину, он осведомился об Афанасии и во время беседы с последним «он раскрыл ему все, что у него было в сердце – чего он никогда раньше не делал, – сказав ему, как сильно он любит безмолвие и что его величайшая цель и желание – попроситься с миром и с тем, что есть в мире, чтобы жить только для себя и для Бога» (*Vitae duae* 1982. Vita A. 28, 31. P. 15; Типикон: Meyer 1894. P. 103).

Здесь нужно привести свидетельство Иоанна Скилицы о времени, предшествующему его захвату власти. Стремясь усыпить подозрения Иосифа Вринги, он явился к нему вечером. Никифор показал ему власяницу, надетую под одеждой, и поклонился, что он собирается принять монашество (Ioannis Scylitzae 1973. P. 255). Понятно, что Скилица

называет это обманным маневром, но сопоставив эти сведения с данными Житий, можно прийти к выводу, что Никифор действительно в какой-то момент подумывал о принятии монашества.

После бегства Афанасия с горы Кимин на Афон, где тот поселился под другим именем, Никифор, лишившись духовного отца, вспомнил, что они говорили об Афоне, и предпринимает попытку разыскать Афанасия (Vitaе duae 1982. Vita A. 44. P. 22–23; Vita B. 20. P. 145–146). В итоге, Афанасий был узан и стал пользоваться почетом на Святой Горе. После этого Никифор отправляется в экспедицию на Крит и «посылает, поскольку был монахолюбив (φιλομόναχος), и полагаясь более на помощь свыше, чем на ромейскую силу, и прося у других гор, а именно Кимина и Олимпа Вифинского, ... союзничества и союзников, союзников, носящих не щиты, и не копьями потрясающих, и не натягивающих тетиву, но лишь простиранием рук обращающих врагов... Но особенно Никифор посылает к тем, кто находился на Афоне, и по той причине, что они более всех от критян страдали, и уже некоторых из них обратили в рабство, но не в меньшей степени и ради розыска разыскиваемого...» (Ibid. Vita A. 61. P. 30). Житие В называет его благочестивейшим (ὁ εὐσεβέστατος Νικηφόρος – Ibid. Vita B. 22. P. 148).

После покорения Крита Никифор сказал бывшему при нем Афанасию:

«Пришло время, которого я долго жаждал, бежать от дел этого мира; все, что нам нужно теперь, это построить место для нас, где мы будем жить. Итак, я прошу твою святость прежде всего построить келлии, в которых мы будем наслаждаться духовным покоем, и основать церковь для киновии. Там я и ты, вместе с другими тремя братьями, могли бы жить уединенной жизнью..., приходя по воскресеньям в лавру, чтобы принять участие в божественных таинствах и разделить трапезу вместе с братией и игуменом, и потом снова уйти» (Ibid. Vita B. 22. P. 148–149).

Афанасий сначала отказался, опасаясь нарушить свое уединение и потерять возможность пребывать в безмолвии. Но Никифор сумел его убедить и вручил ему необходимую для строительства сумму, став тем самым ктитором будущей Великой лавры. Автор Жития В называет Никифора известным своим мужеством и добродетелью, победоносным и победителем безбожных агарян: «Νικηφόρος δέ, ὁ περιώνυμος τὴν ἀνδρείαν καὶ τὴν ἀρετὴν, τροπαιοφόρος καὶ νικητὴς κατὰ τῶν ἀθέων Ἀγαρηνῶν» (Ibid. Vita B. 23. P. 149).

Во время строительства Лавры пришла весть о том, что Никифор взошел на трон: «Когда об этом было объявлено, Афанасий зарыдал горько и был уязвлен в самое сердце, возможно, другой не страдал бы по этому поводу, но прыгал от радости, и весьма сильно рукоплескал, и разделил столь великую власть и славу» (Ibid. Vita A. 90. P. 42; Vita B. 30. P. 159).

Далее сообщения Житий и Типикона расходятся. Жития повествуют, что Афанасий при этом известии покинул Афон и направился на Кипр, отправив одного монаха с письмом к Никифору, и лишь потом встретился с императором (Ibid. Vita A. 94, 102. P. 44, 49; Vita B. 31, 34. P. 161, 162, 165, 166). Типикон же сообщает, что Афанасий лично отправился к императору:

«Мы продолжали работу, но не прошло и четырех месяцев, как мы услышали, что Никифор был провозглашен императором и вступил во владение дворцом. Я оставил работу над церковью незавершенной наполовину и отправился в столицу. Оказавшись в его присутствии, я сильно упрекал его, как мне казалось, не без оснований. “Приказы, которые вы мне отдали, касались одного, – сказал я, – но, похоже, вы думали и планировали что-то другое, как показали события”. Я обратился к высокочтимому императору так, как будто он был виноват, полагая, что он выдержит все это. Но он ответил, упрямо защищаясь, и клятвенно заверил меня, что относится к диадеме с полным презрением... Более того, он заверил меня, что у него вообще не было никаких отношений со своей женой. Когда наступит благоприятное время, он убежит от всего, что сейчас считается препятствием, и отправится на Святую Гору, чтобы исполнить договор, который он заключил с Господом. ... И точно знаю, что, если бы Господь по причинам, известным ему одному, не повелел ему завершить свою жизнь мученической смертью, он бы поставил соответствующую печать на своем договоре и своих обещаниях Богу» (Meuser 1894. P. 104).

Обратим внимание, что Афанасий считает императора мучеником. П. В. Кузенков приводит сведения о церковной службе Никифору. «Существует греческая церковная служба в его честь, открытая еп. Порфирием (Успенским) в рукописи афонского Симонопетрского монастыря; она издана Л. Пети по рукописи из Великой Лавры и изучена А.А. Дмитриевским, обосновавшим ее афонское происхождение. Включенные в данную службу гимнографические каноны восхваляют Никифора Фоку за победы над агарянами и заботу о народе, прославляют его как монаха – «воина Христова», претерпевшего мученичество и просиявшего посмертными чудесами» (Кузенков 2018. С. 646).

Афанасий был уверен, что император заслужил своей жизнью награду: «по непостижимому суждению, известному Богу, его провидение позаботилось о том, чтобы он сменил здешнюю жизнь на безмятежную и более совершенную, и даровало ему незапятнанное и непоколебимое Царство Небесное в качестве достойной награды за его многочисленные и великие труды» (Meuser 1894. P. 108).

Подводя итоги нашего исследования, можно сказать следующее. Образ, который рисуют Иоанн Скилица и Лев Диакон, образ воина и государственного мужа, был дополнен сведениями агиографии, а именно Житий Афанасия Афонского и его Типикона. В результате получилось объемное полихромное изображение. Молчание Льва Диакона и Иоанна Скилицы об отношениях, связывавших монаха и воина, может быть объяснено тем, что в их сочинениях акцент делался на военной и политической истории. Можно доверять Типикону преподобного Афанасия Афонского, который донес нам мнение одного из двух участников это духовного союза, а также сведениям его Житий, что позволяет сделать вывод о тесном, хоть и относительно недолгом общении этих двух незаурядных личностей, результатом чего стало создание Великой Лавры, самого древнего из ныне существующих монастырей Афона (ср. выводы: Venoit-Meggenis 2017. P. 49–80).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ванькова А. Б.* Жития и фиксация традиции: случай Афанасия Афонского и созданной им Великой Лавры // Каптеревские чтения. 2016. Вып. 14. Афон в истории и культуре Христианского Востока и России. С. 7–30. [*Vankova A. B.* Zhitiya i Fiksatsiya traditsii: sluchay Afanasiya Afonskogo i sozdannoy im Velikoy Lavry (Lives and Fixation of Tradition: the Case of Athanasius of Athos and the Great Lavra he created) // *Kapterevskiye chteniya*. 2016. Вып. 14. Afon v istorii i kul'ture Khristianskogo Vostoka i Rossii. S. 7–30.]
- Грацианский М. В.* Еще раз об источниках «Истории» Льва Диакона // Византийский временник. 2013. Т. 73 (98). С. 68–85. [*Gratsianskiy M. V.* Yeshche raz ob istochnikakh “Istorii” L’va Diakona (Once again about the Sources of History by Leo the Deacon) // *Vizantiyskiy vremennik*. 2013. T. 73 (98). S. 68–85.]
- Дионисий (Шленов), иер.* Великая Лавра // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 7. С. 380–404. [*Dionisiy (Shlenov), iyer.* Velikaya Lavra (Great Lavra) // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2009. T. 7. S. 380–404.]
- Иванов С. А.* Полемическая направленность «Истории» Льва Диакона // Византийский временник. 1982. Т. 43 (68). С. 74–80. [*Ivanov S. A.* Polemicheskaya napravlennost’ «Istorii» L’va Diakona (The Polemical Orientation of the History of Leo the Deacon) // *Vizantiyskiy vremennik*. 1982. T. 43 (68). S. 74–80.]

- Каждан А. П.* Из истории византийской хронографии X в. Ч. 2: Источники Льва Диакона и Скилицы для истории 3-й четв. X в. // Византийский временник. 1961. Т. 20 (45). С. 106–128. [*Kazhdan A. P.* Iz istorii vizantiyskoy khronografii X v. Ch. 2: Istochniki L'va Diakona i Skilitsy dlya istorii 3-y chetv. X v. (From the History of Byzantine Chronography of the 10th century. Part 2: Sources of Leo the Deacon and Skylitzes for the History of the 3rd quarter 10th century) // *Vizantiyskiy vremennik*. Т. 20 (45). S. 106–128.]
- Кузенков П. В.* Никифор II Фока // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 49. С. 643–643. [*Kuzenkov P. V.* Nikifor II Foka (Nicephorus II Phocas) // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2018. Т. 49. S. 643–643.]
- Лев Диакон.* История / Пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комм. М. Я. Сюзюмова и С. А. Иванова. М.: Наука, 1988. [*Lev Diakon.* Istoriya (Leo Deacon. History) / Per. M. M. Kopylenko, stat'ya M. Ya. Syuzyumova, komm. M. Ya. Syuzyumova i S. A. Ivanova. Moscow: Nauka, 1988.]
- Луховицкий Л. В.* Лев Диакон // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 40. С. 307–309. [*Lukhovitskiy L. V.* Lev Diakon (Leo the Deacon) // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2015. Т. 40. S. 307–309.]
- Помяловский И.* Житие преподобного Афанасия Афонского. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1895. [*Pomyalovskiy I.* Zhitiye prepodobnogo Afanasiya Afonskogo (Life of St Athanasius of Athos). St-Petersburg: Typ. Imperatorskoy akademii nauk, 1895.]
- Сюзюмов М. Я.* Об источниках Льва Диакона и Скилицы // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Вып. 2. С. 106–166. [*Syuzyumov M. Ya.* Ob istochnikakh L'va Diakona i Skilitsy (On the Sources of Leo the Deacon and Skylitsa) // *Vizantiyskoye obozreniye*. Yur'yev, 1916. Vyp. 2. S. 106–166.]
- Benoit-Meggenis R.* L'empereur et le moine. Les relations du pouvoir impérial avec les monastères à Byzance, IX^e–XIII^e siècle. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée–Jean Pouilloux, 2017.
- BMFD – Byzantine Monastic Foundation Documents. A Complete Translations of the Surviving Founders' Typica and Testaments / Ed. by J. Thomas, A. C. Hero. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2000.
- Ioannis Scylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1973.
- Janin R.* La géographie ecclésiastique de l'empire Byzantine. Première partie. Le siège de Constantinople et le patriarcat Oecuménique. T. III. Les églises et le monastères. Paris: Institut français d'études byzantines, 1969.
- Kazhdan A.* Nikephoros II Phokas // The Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. P. Kazhdan. New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. 3. P. 1478–1479.
- Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / Rec. C. B. Hasii. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1828.

- Meyer Ph.* Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1894.
- Morris R.* The Two Faces of Nikephoros Phokas // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1988. Vol. 12. P. 83–115.
- Noret J.* La Vie la plus ancienne de saint Athanase l’Athonite confrontée aux écrits laissés par le saint // *Analecta bollandiana*. 1982. T. 100. P. 545–566.
- Noret J.* La Vie ancienne d’Athanase l’Athonite confrontée au “Tragos” et à un acte de Nicéphore Phocas // *Analecta bollandiana*. 1983. T. 101. P. 287–294.
- Noret J.* La Vie la plus ancienne d’Athanase l’Athonite confrontée à d’autres Vies de saints // *Analecta bollandiana*. 1985. T. 103. P. 243–253.
- Vie de St. Athanase l’Athonite / Ed. par L. Petit // *Analecta bollandiana*. 1906. T. XXV. P. 5–90.
- La «Vita di Atanasio l’Athonita» di Atanasio di Panaghiou / A cura di L. d’Ayala Valva. Roma: Città Nuova, 2017.
- Vitae duae antiquae sancti Athanasii Athonitae / Ed. [J.] Noret. Louvain: University Press, 1982.

Информация об авторе

АННА БОРИСОВНА ВАНЬКОВА
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института
всеобщей истории РАН
Российская Федерация, 119334,
г. Москва, Ленинский пр-т, 32А
e-mail: avankova@mail.ru

Information about the author

ANNA B. VANKOVA
Cand.Sc. (Hist.), Researcher at the
Institute of World History of the
Russian Academy of Sciences
Russian Federation, 119334,
Moscow, Leninsky Prospekt, 32A
e-mail: avankova@mail.ru